

Он также видел несколько иностранцев и очень хотел заговорить с ними первым, оказать небольшую услугу, а затем обменять на их валютные сертификаты или что-то в этом роде. Имея их, можно было делать покупки в Дружественном магазине, но у него попросту не было причин заявлять, что он знает английский. Первоначальный владелец тела окончил всего два класса начальной школы, после чего мачеха заставила его бросить учебу, заявив, что он должен работать по дому и у него нет времени на учебу. Если бы никто не стал копаться, это еще куда ни шло, но если бы кто-то действительно обратил внимание, он опасался, что его сочтут неблагонадежным шпионом, поэтому в конце концов он отбросил эту мысль.

Постукивая колесами, он снова сел на грохочущий поезд, направлявшийся на юг. Ехать предстояло долго, купить билет на спальное место ему не удалось, так что оставалось только сидеть. Долгое сидение — это поистине тяжкое испытание: спать, согнувшись или прислонившись, через какое-то время становится ужасно неудобно, но приходилось терпеть. Достать билеты на плацкарт или купе было совсем не просто.

Из-за удаленности регионов многое из того, что было в одних местах и отсутствовало в других, пользовалось огромным спросом. Например, южные мандарины и бананы были очень популярны на севере, а северные яблоки и прочее точно так же ценились на юге.

Его Пространство было невеликим, но для перевозки всяких мелких изящных вещей его вполне хватало. Опираясь лишь на один кубический метр Пространства и огромный тук, он занялся перепродажей электроники и одежды, стремительно сколотив состояние. Спустя месяц у него на руках уже было более трех тысяч юаней.

Денег он заработал действительно немало, но и устал по-настоящему. Весь этот месяц он хорошо питался и сладко спал, но при этом ухитрился ни капельки не поправиться. Он решил немного передохнуть и перевести дух — если бегать туда-обратно между Особой экономической зоной, Шанхаем и столицей, то даже железный человек не выдержит.

Увидев, как он возвращается с обветренным от ветра иморози лицом, Ван Юэ, несмотря на все его тяжелые баулы, сначала даже не взглянула на то, что муж привез с собой, а сразу же прониклась жалостью. Она принялась расспрашивать, почему он так сильно устал, и настаивала, что ему нужно хорошенько подкрепиться и восстановить силы. Тетушка Лю тут же зарубила старую несушку, а когда Чжоу Хэн попытался ее остановить, говоря, что курицу пускать на нож жалко, она даже слушать его не стала.

— Здоровье — это фундамент революции. Зарабатывая деньги, нужно беречь силы.

— Давайте сначала доедим мясо, а потом уже режем, иначе оно испортится. — Он привез с собой три-четыре цзиня мяса.

Стоило ему заявить, что он притащил столько мяса, как Тетушка Лю временно оставила мысль резать курицу и вместо этого принялась выговаривать ему за неумение вести хозяйство: мол, кто же покупает столько за один раз, как такое съесть?

— Разве оно залежится? Сколько ни принеси мяса, всего будет мало.

У него были свои соображения:

— Отец, как думаешь, не отдать ли половину старшему дяде? Он нам очень сильно помог.

Если бы не тот, разделение семьи прошло бы не так гладко, да и раньше дядя немало помогал Ли Ши.

Дядя Ли-второй кивнул:

— Нужно, обязательно нужно.

Тетушка Лю ловко отрезала половину и отнесла им, однако руководствовалась она и собственными соображениями, специально выбрав кусок попостнее.

Чжоу Хэн посмотрел на это с горькой усмешкой: сейчас все считали, что самое лучшее мясо — это жирное, с наваром, а постное — сухомятка без жира и вкуса, всё с точностью до наоборот по сравнению с будущими временами.

Раньше он почти не ел жирного, но после того, как целый месяц питался грубой пищей без капли жира и вкуса, его излюбленным лакомством стали свиные ребрышки с прослойкой — обязательно такие, где чередуются жир и мясо.

Поскольку в поездках он себя в еде не ущемлял, за этот месяц Чжоу Хэн ни в чем себе не отказывал и ел мясо чуть ли не каждый день. И хотя сейчас он по-прежнему выглядел худым, цвет его лица заметно улучшился — по крайней мере, оно уже не было таким болезненно-желтым, как раньше.

На этот раз по возвращении он хорошенько отдохнул три дня и только потом снова отправился в путь. Все эти три дня к нему относились как к какому-нибудь барину: половину привезенного в первый день мяса съели за один присест, вторую половину — на следующий день, а на третий зарезали старую курицу и долго тушили ее в котле, добавив сушеных грибов и побегов бамбука. Получилось невероятно ароматно — это была самая вкусная еда из всех, что довелось попробовать Чжоу Хэну после попадания сюда, без всяких преувеличений.

Даже в уличных харчевнях мясо не казалось таким аппетитным. Неужели всё дело было в игре воображения?

Перед уходом он дал дяде Ли-второму десять юаней, попросив помочь отложить их на будущее строительство дома; дал десять юаней Тетушке Лю, чтобы она время от времени покупала мясо для поддержания сил, и вручил десять юаней своей жене, чтобы она ни в чем себя не ограничивала и покупала всё, чего захочется.

Стоило ему вот так раздать деньги, как ушла добрая четверть его двухмесячного заработка. Услышав это, домашние заговорили о том, что им ничего не нужно, и велели ему оставить деньги при себе — мол, на чужбине всякое может случиться и могут понадобиться расходы, а дома они обойдутся.

Лишь после того, как Чжоу Хэн объяснил, что там у него всё включено — и еда, и жилье, а оставшихся денег хватит с избытком, — они согласились их взять.

Получив деньги, все трое почувствовали тепло на душе.

Дядя Ли-второй и Тетушка Лю больше всего боялись, что приемный сын станет относиться к ним как к чужим людям. Теперь же, когда сын проявил сыновнюю почтительность и оставил им круглую сумму, они успокоились: раз он так поступил, значит, эти двое супругов действительно дороги его сердцу.

Дядя Ли-второй бережно спрятал десятку, приберегая ее на постройку нового дома — нынешнее жилище пока еще сгодится, но когда дети подрастут, места станет катастрофически не хватать.

Тетушка Лю тоже не стала скупиться: на второй день после отъезда Чжоу Хэна она отправилась на рынок и купила с десяток цыплят на развод. Когда те подрастут, она зарубит их, чтобы Ван Юэ могла набраться сил после родов и выкармливания ребенка.

После уговоров Чжоу Хэна она также решила оставлять домашние яйца для семьи, а не продавать их ради денег, чтобы отдавать их будущей матери и детям.

Яйца издавна считались лакомством, предназначенным исключительно для беременных и малышей.

И хотя после переезда сюда она каждые несколько дней варила по яйцу для Ван Юэ, теперь она решила каждый день готовить ей по яйцу, а если несушки станут нестись лучше, то и Сяо Цюань тоже будет перепадать гостинец — нужно было во что бы то ни стало вырастить их крепкими и румяными.

Получив свою десятирублевую купюру, Ван Юэ пришла в неописуемый восторг. В ее руках никогда прежде не водилось столько денег — это же настоящее целое состояние!

Она то и дело перепрятывала эту десятку в самые разные тайники, а посреди ночи даже потеряла покой и несколько раз вставала с постели, чтобы проверить, на месте ли деньги. На сердце у нее было так радостно, что и не передать словами: ее муж теперь стал человеком солидным и процветающим!

По контрасту с радостью в этом доме, настроение в другой семье оказалось совсем не столь

радужным.

Ли Цин сидел за столом и молча ел, а сидевшая рядом Чэнь Фан не унималась, бранясь на все лады:

— Этот мелкий паршивец теперь выбился в люди, заколачивает деньжищи, а привез мясо и даже не подумал проявить уважение к нам! Ты ведь его родной отец, а младший брат — его кровный братишка, от этого родства никуда не денешься. Чужому дяде, до которого ему сто верст лесом, он мясо отдает, а нам — нет! Ишь ты, великий дядя, да между ними колен до седьмого воды!

Ли Фэн ел несоленую, лишенную всякого жира похлебку и злобно зыркнул на мать:

— И толку от того, что ты здесь распинаешься? Сама почему не пойдешь к ним и не потребуешь, чтобы он отсыпал нам мяса?

Ли Цзяо тоже кипела от обиды:

— А новые шмотки? У них вон вся семья обзавелась обновками, до чего же красивые! Наверняка и в этот раз привезх какую-то знатную добычу. Отец ведь ему родной отец, с какой стати он о нас не вспоминает? Я тоже уже давным-давно не шила себе ничего нового.

— Волчонок неблагодарный, сколько лет его кормили — всё в пустую!

Услышав это, Ли Цин доел, швырнул пиалу на стол и с силой хлопнул ладонью по столешнице:

— Хватит! Когда вы наконец наговоритесь?!

Рывкнув на них, он встал и ушел в комнату прилечь. На душе у него тоже кошки скребли, но гордость не позволяла ударить в грязь лицом: он только-только выгодно пристроил младшего сына, как старший вдруг неожиданно преуспел. На сердце было тяжело, однако опускаться до того, чтобы первому идти на примирение, его самолюбие не позволяло — если старший сын помнит о родителях, то вполне мог бы и сам заглянуть к ним.

Только вот сам он гордился, а вот другие — ничуть.

Сгорая от досады, на следующий день Ли Цзяо прибежала к дому дяди Ли-второго и принялась подозрительно озираться по сторонам. Заметив во дворе дядю Ли-второго и Тетушку Лю, она тут же испуганно втянула голову в плечи, но, разглядев одну лишь Ван Юэ, громко окликнула:

— Сноха! — и развязной походкой ввалилась внутрь.

Увидев эту золовку, Ван Юэ нахмурилась:

— Тебе что-то нужно?

— Да ничего особенного. Ты что, дома одна?

Ван Юэ холодно ответила:

— Да.

— Ой, я вот зашла поболтать с тобой.

Говорить-то она говорила, но едва переступив порог, Ли Цзяо принялась зыркать глазами по сторонам. Проследив за тем, как Ван Юэ перебирает зелень, она прямиком направилась в ее комнату:

— А мой братец где? Куда это он запропастился?

— На работе.

— Какая еще работа... Я ведь слышала, он в городе устроился и заколачивает бешеные деньги, небось зарабатывает по несколько десятков юаней в месяц, да?

— Откуда мне знать.

— Ну как тебе не знать, просто говорить не хочешь! — Тон ее тут же испортился, но сообразив, зачем она сюда явилась, Ли Цзяо тут же сделала вид, будто ничего не произошло, и сгладила углы: — Не хочешь — как хочешь. А что такого привез старший братец на этот раз? Многие говорят, что он вернулся с громадным узлом. Наверное, притащил кучу всякой вкуснятины, да еще и обновок вам нашил?

Она не только болтала языком, но и шарила руками по комнате, то тут что-то потрогав, то там приподняв, производя при этом едва слышный шорох.

Ван Юэ только глаза закатывала от ее выходок. Лишь сообразив, что в комнате не осталось ничего такого, ради чего стоило бы стараться, она немного успокоилась: к счастью, всё ценное, что привез муж, она заперла в шкаф.

Увидев запертый шкаф, Ли Цзяо с досадой подергала за ручку, но дверца не поддавалась. Ей пришлось с кислым видом вернуться к Ван Юэ и выдать с натянутой улыбкой:

— Сноха, гляжу я, у тебя шкаф-то на замок заперт. Какое там сокровище спрятано? Вроде никто чужой по двору не шастает, а ты такая осторожная.

Ван Юэ даже не обернулась, ответив ледяным тоном:

— Почем знать, вдруг вор забредет.

Ли Цзяо пропустила ее слова мимо ушей, снова зашагала по комнатам и, заглянув в спальню дяди Ли-второго, заприметила висевшую у шкафа одежду без единой заплатки.

Эту новую одежду те двое берегли и надевали от силы пару раз по особым случаям, после чего аккуратно чистили и вешали на вешалки, чтобы она висела ровно и не мялась. Впрочем, не они одни — Ван Юэ тоже дорожила вещами, хотя сменной одежды у нее было совсем немного, так что носить ее приходилось гораздо чаще. Ли Цзяо погладила гладкую ткань: — Ой, это, должно быть, новая одежда, которую купил старший брат? Дядя Ли-второй и Тетушка Лю настоящие счастливики. Не успел мой брат стать их сыном, как они уже щеголяют в новых вещах, купленных им в знак сыновней почтительности. А мои родители столько лет живут — и то ни разу не получили от старшего брата никакой обновки.

Ван Юэ насмешливо хмыкнула: — А что поделать? Сами же ваши родители продали твоего старшего брата за хорошую цену. Какая уж тут еще почтительность? Трехсот юаней вполне хватило, чтобы сполна отплатить за все.

Об этой истории знала вся деревня. Лицо Ли Цзяо вытянулось. Из-за этого случая ее не раз поднимали на смех подруги, говоря, что ее родители — законченные торгаши, раз продали собственного сына, да еще и попрекая мать тем, что у нее нет совести и она не терпит пасынка, оставшегося от первого брака.

Слушать подобное ей было неприятно, она даже закатывала несколько истерик, но никто не обращал на нее внимания.

— Кто вообще разнес эту новость? Такая гадость, это же личное дело наших семей.

Самой ей не хотелось признавать вину родителей, ведь в тех трехстах юанях была и ее доля. Сейчас вот для жены ее второго брата уже подобрали кандидатуру, и все благодаря этим деньгам — на все свадебные подарки хватило. Мать к тому же пообещала отложить часть суммы ей на приданое, чтобы выдать замуж в хорошую семью.

— А разве нужно было что-то разносить? У всех в деревне глаза есть, все сами видели.

Ван Юэ добавила, что муж вовсе не обязан шить им одежду: когда его выгнали из дома, на нем была всего одна поношенная вещь. После того скандала деревенские так тыкали в них пальцами и поливали грязью, что мачеха потом долго не смела нос из дома высунуть.

А эта золовка — ну и наглость! Раньше-то она никогда не называла его старшим братом, а всегда — просто по имени.

Ли Цзяо, ничего не добившись, заметила насмешливое выражение на лице Ван Юэ. Она густо покраснела — не от стыда, а от злости, но, поняв, что ничего не добьется, подавила гнев.

— Невестка, когда брат вернется, пусть и нам сошьет по комплекту одежды. Он же теперь зарабатывает.

— Какая я тебе невестка? Я тебе не невестка. Твой второй брат — вот твой старший брат, у него и проси. Трехсот юаней на кучу одежды хватит.

Ван Юэ помрачнела. С чего бы ей потакать такой девице? Она поставила корзинку с овощами на землю.

— Мне некогда, иди домой. У меня нет времени тебя развлекать.

— Вот же жадина.

Получив от ворот поворот, Ли Цзяо скривилась, фыркнула и выбежала со двора. Ван Юэ проводила ее взглядом и закатила глаза. В который раз она убедилась, что решение мужа отделиться от той семьи было верным и своевременным.

Пусть триста юаней было отдавать жалко, но разрыв отношений с той семьей того стоил. Муж теперь зарабатывает, и если так пойдет дальше, эти деньги скоро вернутся. А дядя Ли-второй и Тетушка Лю — хорошие люди: когда она была не в состоянии что-то сделать из-за беременности, они никогда не отказывали в помощи, да и Сяо Цюаня Тетушка Лю нянчит очень старательно.

Если бы муж не ушел из той семьи, он бы еще ладно, но стоило бы ему начать зарабатывать — и те присосались бы как пиявки. Теперь же она могла с чистой совестью и твердостью отказывать им в любых необоснованных просьбах.

Ван Юэ представила, как они втроем живут в своем маленьком домике, и сравнила с тем, что было раньше. Жизнь стала лучше, в доме больше нет гнетущей тишины. Она погладила живот и почувствовала, что в будущем их ждет еще больше радости.

Однако Ли Цзяо не собиралась так просто сдаваться. Она наведывалась каждые пару дней и специально пыталась выведать у маленького Сяо Цюаня, какие вкусности привез ему отец. Ребенок есть ребенок: что с него взять? Спрашивают — он и отвечает, что ел мясо и много чего еще, а больше ничего не помнит — мал еще, лишь о еде и думает.

О мясе-то она знала, но когда услышала про сладости, у Ли Цзяо внутри все заклокотало от зависти. Сама она давным-давно их не пробовала — сладости нынче стоят очень дорого, разве мать позволит себе такую трату? Последний раз они баловались ими только на Новый год. А этот шкет ест сладости, в то время как мать, имея на руках триста юаней, даже копейки не выделит. Топнув ногой, она снова подошла к Ван Юэ.

— Невестка, готовишь?

Поскольку она была беременна и нянчила ребенка, она договорилась с бригадиром о более легкой работе, чтобы раньше приходить домой и заниматься хозяйством. В этот момент дома были только она да Сяо Цюань, возившийся в грязи во дворе.

— Да. И я уже сказала: не называй меня невесткой, называй меня невесткой Ши.

Ли Цзяо пропустила ее слова мимо ушей, прошла прямо к плите и подняла крышку котла. Увидев внутри кашу из батата и бобов, она не смогла скрыть разочарования.

— Почему вы едите только это?

Ван Юэ нахмурилась: — Это еще что значит? А? Что не так? Как тебе не стыдно? Уходи отсюда, здесь тебе не рады. Непонятно, где она набралась такой наглости в столь юном возрасте.

Ли Цзяо не видела в своих действиях ничего дурного. Подумаешь, открыла крышку — от этого что, кусок мяса пропадет?

Она закатила глаза, фыркнула и ушла. Ван Юэ проводила взглядом ее прыгающую походку и дернула глазом. Хорошо, что яйца они съели еще утром — если бы оставили на обед, кто знает, не стащила бы эта нахалка все прямо из котла? Хотя обычно люди так не делают, но от Ли Цзяо и ее братца можно было ожидать чего угодно.

Во время еды Ван Юэ рассказала об этом случае дяде Ли-второму и Тетушке Лю. Услышав, что девчонка шарит по дому в поисках выгоды, дядя Ли-второй постучал по столу:

— Помню, у нас был замок. Впредь не ленитесь, закрывайте все на ключ, а ключ прячьте подальше.

— Нельзя же постоянно ждать вора, — засомневалась Тетушка Лю.

— Верно, я тоже думаю, что так жить нельзя, — задумчиво произнесла Ван Юэ. — Замок нужен, но как насчет того, чтобы завести сторожевую собаку?

Тетушка Лю хлопнула в ладоши: — Отличная мысль! И не только собаку, еще пару гусей. Иногда они стерегут дом даже лучше псов. Главное — не лениться, косить им траву.

Имея десять юаней в кармане и зная, что пасынок может зарабатывать, Тетушка Лю уже не считала, что содержание живности станет обузой.

Дядя Ли-второй подумал насчет собаки: — Помню, у старого охотника на западе деревни собака недавно принесла щенков. На днях выберу время, схожу спрошу, остались ли еще. Если да — принесем одного.

Так и порешили. Не прошло и двух дней, как в доме появился маленький щенок и два небольших гусенка — их Тетушка Лю купила у соседей из другой деревни, удачно подвернулся случай.

Чжоу Хэн ничего не знал о домашних делах. Он продолжал усердно зарабатывать деньги, пока срок беременности Ван Юэ был не слишком большим, надеясь при следующей поездке домой отвезти ее в больницу на осмотр. Если есть какая болезнь, лучше лечить ее сразу. Запустишь — потом будет трудно. Медицина сейчас не такая развитая, как в будущем, многие болезни заходят слишком далеко. Он не знал, от чего умерла прежняя Ван Юэ, поэтому хотел перестраховаться.

Утром Тетушка Лю достала из курятника два теплых яйца, тут же разбила их, пожарила яичницу и аккуратно посыпала сахаром, сделав сладкий яичный суп. Коричневый сахар — вещь ценная, как раз для восстановления сил беременной.

Когда она принесла миски, Ван Юэ отставила свою в сторону и подвинула к свекрови:

— Мы с Сяо Цюанем съедим одну на двоих, а вы с дедом — другую.

Она вспомнила, как после рождения Сяо Цюаня за весь месяц восстановления съела столько яиц, что можно было пересчитать по пальцам одной руки. А теперь ест их каждый день, да еще и с сахаром, о котором тогда и мечтать не могла.

В прошлый приезд муж привез два пакета сахара, она отдала по одному свекрам, чтобы они пили чай для здоровья. То, что Тетушка Лю сейчас достала этот сахар, означало, что она не мелочная. Сердце Ван Юэ согрелось: если старшие заботятся о младших, те ответят им уважением.

— Да зачем нам, старикам, яйца? Ешьте сами, ты же носишь ребенка, а Сяо Цюань еще маленький, ему нужно расти беленьким и крепеньким.

— Как это не нужно? Муж сказал: берегите здоровье, впереди нас ждет счастливая жизнь. Он теперь зарабатывает, не стоит так экономить.

— Ой, да сколько он там работает? Сначала подкопите деньжат, а вы ешьте сами.

Сяо Цюань, хлопая глазами, протянул свою ручонку и подтолкнул миску к бабушке: — Дедушка, бабушка, ешьте вы.

— Ой, какой умница, — услышав детский лепет внука, старики растрогались, и возражать больше не стали. Их любовь к Ван Юэ и Сяо Цюаню стала еще крепче. Люди устроены так: ты относишься ко мне с добром, и я плачу тем же.

Ли Цзяо специально пробралась во двор пораньше, стараясь пройти бесшумно, но лай щенка разрушил ее планы. Тетушка Лю отложила яйцо, вышла к дверям и, увидев Ли Цзяо, нахмурилась:

— Это ты? Что стряслось, раз пришла ни свет ни заря?

— Ничего особенного, просто гуляла и сама не заметила, как оказалась здесь. — Увидев Тетушку Лю, Ли Цзяо смутилась. Она заглянула в дом: — А где моя невестка?

— Завтракает. Зачем она тебе?

<http://bllate.org/book/21637/2232676>